

УДК 821.161.2-1-3.09

Ю. А. Сирота*г. Полтава***ПУШКИНСКАЯ ПОЭЗИЯ НА СТРАНИЦАХ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ Е. ГРЕБЁНКИ***Розглянуто роль і значення пушкінської поезії в прозових текстах Є. Гребінки.**Ключові слова: поезія, епіграф, текст, контекст, поетика, інтертекст, інтертекстуальні зв'язки**Рассмотрена роль и значение пушкинской поэзии в прозаических произведениях Е. Гребенки, раскрывается специфика реализации пушкинскими эпиграфами межтекстовых связей.**Ключевые слова: поэзия, эпиграф, текст, контекст, поэтика, интертекст, интертекстуальные связи**The author of the article examines the role and meaning of Pushkin's poetry in the prose of Y. Hrebenka.**Keywords: poetry, epigraph, text, context, poetics, intertext, intertextual connections.*

Во многих произведениях Евгения Гребёнки часто встречаются строки из поэтических сочинений Александра Пушкина. В своих письмах Гребёнка также нередко обращался к стихам Пушкина, иллюстрируя отдельные примеры или жизненные ситуации. Изучение творчества Гребёнки свидетельствует о том, что писатель, включая в свои произведения тексты очень популярного в то время Пушкина, не просто отдавал дань моде. Он действительно благоговел перед великим поэтом и, несомненно, находился под его влиянием. Еще во время пребывания в Нежинской гимназии высших наук Гребёнка начал перевод на украинский язык поэмы Пушкина «Полтава». Несмотря на то, что этот перевод слишком отягощен бурлескно-трагическими элементами, всё же он имеет свою историческую и эстетическую ценность.

В «Записках студента» (1841) отношение Гребёнки к Пушкину выражено наиболее ярко. Повесть имеет форму «текста в тексте» и включает в себя несколько точек зрения, которые проявляются на уровне основного текста и его рамы. Основной текст – это дневник студента Якова Петровича, описывающего свою жизнь, начиная с детства и до последних дней. Рамочный текст повести, кроме заглавия и эпиграфа, включает также обрамление, где рассказчик объясняет, как ему в руки попал дневник Якова Петровича. Также в рамках раскрывается отношение рассказчика к студенту: оно явно позитивное и сочувственное. Кроме того, рамки включают развязку сюжета основного текста – это смерть героя. И хотя повесть начинается с развязки, эпиграф ко всему произведению имеет более оптимистическое звучание. Это слова Виктора Гюго: «Между рождением и смертью – жизнь». Таким образом, Гребёнка утверждает мысль, что жизнь человека – основной предмет изображения и заслуживает больше внимания, нежели его смерть.

Вся повесть пронизана чувством преклонения перед величием Пушкина. Главный герой Яков Петрович уже в первой дневниковой записи высоко оценивает творчество «великого поэта». Так, вспоминая лицей, он жалеет тех, кто не понимает

поэзии: *«А поэзия? Боже! И есть люди, которые не понимают поэзии!? Бедные, жалею о вас: вы не знаете лучшего наслаждения в жизни! Вы не понимаете ни Жуковского, ни Шиллера, ни Байрона, ни Пушкина, великого Пушкина!»* [2, с. 443]. Творчество гениального поэта сопровождает Якова Петровича на протяжении всей жизни. Так, размышляя о смысле жизни, он вспоминает пламенные строки из пушкинского «Пророка».

*И он мне грудь рассек мечом
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул!..* [2, с. 449].

Яков Петрович переживает те же чувства, что и пушкинский пророк. *«Да, уголь, пылающий огнем, пламенеет в груди моей, – продолжает он строки стихотворения. – Чудные вопросы роятся в уме моем: и что со мною? и что я? и для чего я? и что такое жизнь наша?..»* [2, с. 449]. Это пример того, какую магическую силу имеют стихи Пушкина. Они способны заставить человека задуматься не только о жизненных проблемах, но и о самой жизни, о её смысле. Открыв в себе новое чувство, чувство любви к женщине, Яков Петрович, говорит о нем очень поэтически, приравнивая к самому святому: *«Неужели меня посетило это неразгаданное, таинственное, святое чувство, возвышающее человека до невозможности, сила, хранящая весь мир, альфа и омега благодати провидения, сила, которая заставляет бездушный цветок трепетать и склоняться к другому, сдвигает противоположные полюсы твердого магнита, проявляется в притягаемости разнородного электричества, влечет тучи небесные к земле и соединяет небо с землею огненными нитями молнии; краеугольный камень нашей божественной религии: “любите и врагов ваших” – сказал бог устами человека...»* [2, с. 451]. Почувствовав в себе пробуждение любви, он полнее постигает «глубину стихов Пушкина», в частности его подражания песне английского поэта Барри Корнуолла:

*Пью за здравие Мери,
Доброй Мери моей!
Тихо запер я двери,
И один, без гостей,
Пью за здравие Мери* [2, с. 452].

Размышляя над стихотворением Пушкина, герой приходит к выводу о том, что *«человек, истинно любящий, не станет хвалиться любовью своею...»* [2, с. 452]. Таким образом, стихи любимого поэта учат героя повести Гребёнки трепетному отношению к любимой женщине. Даже для ненавистного Сутяговского (хитрого и коварного соседа родителей) он находит характеристики у любимого поэта, о чем говорят строки из пушкинского «Демона»:

*И ничего во всей природе
Благословить он не хотел* [2, с. 462].

К стихам Пушкина герой обращается также тогда, когда его любимая выходит замуж за другого. В поэзии «великого сердцеведца» [2, с. 481] он находит успокоение и вспоминает строки из поэмы «Цыгане»:

Кто сердцу юной девы скажет:

*Одно люби, не изменись!..
Утешься, друг! Она дитя.
Твоё унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское – шутя...* [2, с. 481].

Использованный писателем прием цитирования свидетельствует о том, что интертекст является характерной чертой повести, одной из важнейших особенностей поэтики произведения. Пушкинские цитаты в тексте «Записок студента» расширяют рамки повести Гребёнки. Они обогащают авторские высказывания, создают определённое «смысловое напряжение» [9, с. 504]. Стихи Пушкина, включённые Гребёнкой в его собственный текст, позволяют проследить эволюцию главного героя, в частности то, как меняется его отношение к жизни и окружающим людям. В начале дневника это человек с «распахнутой душой», который готов на подвиги ради добра, полон желаний изменить весь мир («Пророк»). Когда его впервые посещает любовь, он обожествляет свою любимую («Мери»), но, узнав о её измене, выбрасывает даже кольцо, подаренное ею. Со временем став мудрее, герой делает вывод о том, что радости жизни быстро исчезают, поэтому нужно беречь память о них. Он соглашается с Пушкиным: *«Порою всем даётся радость, Что было, то не будет вновь»* [2, с. 481]. Более радостным в жизни героя был его детский и юношеский период до того, как он переехал в Петербург. Дальше в повести развивается тема гибели человека в удушающей атмосфере столицы. Герой постепенно разочаровывается в своих идеалах. Большинство жителей Петербурга, которых он встречает на своём пути, оказываются не искренними, притворными людьми. Так, первый урок человеческой неблагодарности Яков Петрович усвоил в гостях у своего родного дяди. Мечты героя о радушном приёме сразу развеялись: *«Мой дядюшка человек надутый; его дети – жалкие, пустейшие создания! Никогда нога моя не будет в этом доме. Если б мне пришлось умереть на улице от холода, я не укроюсь у него под воротами»* [2, с. 468]. Для дядюшки – «его превосходительства» – более радостным был визит сочинителя Единогорова, чем родного племянника.

В повести образ процветающего «сочинителя» Единогорова встречается неоднократно. Единогоров пресмыкается перед сановными старичками, со знанием дела толкует о вчерашнем висте, пишет *«историю дома его превосходительства»* [2, с. 468], и в результате – через два-три года ездит *«на прекрасной паре собственных лошадей»* [2, с. 488]. Он компилирует книги, заказывая таким голодным писцам, как Яков Петрович, делать выписки из напечатанных источников. Он посвящает свой очередной опус какому-нибудь важному лицу. То есть этот герой умеет приспособиться к жизни. Можно согласиться с С. Зубковым, что в данном случае Гребёнка как бы сопоставляет торжествующих и благоденствующих в своей пошлости литературных подлиз единогооровского типа с трагической судьбой затравленного вельможным светом Пушкина [4, с. 206]. По мере разочарования героя меняются его дневниковые записи: на смену радостным, оптимистическим ноткам приходят грустные мысли. От юношеской увлеченности не остается и следа, в записках студента исчезает поэзия, остаётся только проза. Так, слишком прозаической кажется запись героя о том, что он вынужден был продать

последнюю свою книгу – «Сочинения Пушкина», подаренную ему ещё «в лицее за успехи в науках» [2, с. 489]. Яков Петрович – высокоморальный человек. Он полон желаний и устремлений. Получив образование в лицее, он с гордостью восклицает: «Шесть лет – и как я вырос духовной жизнью!» [2, с. 443]. При этом он не подозревает, что «духовная жизнь» нигде не ценится. Для него, за словами А. Брайко, общезначимым художественным дискурсом на протяжении всего действия остаются стихотворения Пушкина, которые «навевают топос совершенства и жизнеощущения» [1, с. 58]. Оказавшись в Петербурге в окружении, где его духовные качества никому не нужны, герой ощущает себя «лишним человеком». Повесть Гребёнки связывает с творчеством Пушкина не только наличие в её тексте конкретных цитат, но и сюжетная схема, а также художественные образы. Так, главный герой «Записок студента» ассоциируется с Евгением Онегиным по принципу своей ненужности, невостребованности, хотя оба героя в значительной степени отличаются друг от друга.

Во многих русскоязычных произведениях Гребёнки поэзия Пушкина встречается также и в эпиграфах. Например, некоторым частям повести «Сеня» предпосланы цитаты из пушкинских произведений. Каждый из этих эпиграфов выполняет свою функцию. Но при этом каждый эпиграф имеет большое значение для понимания текста в целом. Попытаемся определить роль пушкинских эпиграфов в повести Гребёнки «Сеня». Прежде всего следует отметить, что эпиграф – это один из компонентов рамы произведения, основная функция которой – усиление внутреннего единства художественного текста. Эпиграф помогает придать произведению характер завершенности, а также подчеркивает открытость границ текста, его соотнесенность с текстами других авторов. В современном литературоведении существует мнение, что эпиграф – это всегда текст в тексте, обладающий собственной семантикой и образной структурой [5, с. 850]. По мнению Н. Мирошниковой, все эпиграфы произведения составляют целую систему [6, с. 17]. Поэтому, анализируя пушкинские эпиграфы в повести Гребёнки «Сеня», мы будем обращать внимание и на другие эпиграфы. Тем более, что наличие эпиграфов – одна из примечательных особенностей поэтики данного произведения. «Сеня» – повесть о жизни «маленького человека» Семена Ивановича. Уже само название повести, а также первые эпиграфы к ней подготавливают читателя к восприятию характера главного героя, его отношения к жизни и людям. В частности, это эпиграф из А. Кантемира – «Знаю, что правду пишу и имен не значу: Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу», а также народная поговорка – «Хвастливого от богатого не распознаешь» [3, с. 131]. Сеня – тип столичного хвастуна. Он хвастает, постоянно выдумывая истории, которые с ним не происходили. Автор излагает предысторию своего героя, которая далеко не случайна. Родился Сеня в многодетной семье уездного почтмейстера в провинциальном городе Горохове. В его жизненной судьбе огромную роль сыграл случай. Однажды Сеню увидела столичная княгиня, которой мальчик очень понравился, и она забрала его с собой в Петербург на воспитание. Начиная с третьей главы, в повести появляются петербургские мотивы. Гребёнка очень реалистично изображает среду, в которую попадает Сеня, и показывает негативное влияние на мальчика аморального, хотя и знатного окружения. В качестве эпиграфа к этой главе Гребёнка взял строки из

пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин»: «*Чтоб не измучилось дитя, Всему учил его шутя*» [3, с. 145]. Н. Мирошникова подчёркивает, что эпиграф, взятый из определенного источника, сохраняет с ним связь [6, с. 15]. Будучи связанным с родным контекстом, эпиграф устанавливает основные связи с текстом произведения, которому он предпослан. В этом новом контексте и реализуются функции эпиграфа. В данном случае эпиграф служит знаком, который отсылает к сюжету «Евгения Онегина». Напомним, что в первой главе романа в стихах даётся предыстория героя, в частности речь идёт о его воспитании, оторванном от родной почвы.

Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* её сменил.
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbe, француз убогий,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в летний сад гулять водил [8, с. 8–9].

Такое воспитание привело к тому, что Онегин стал эгоистом. Подобную схему псевдовоспитания наблюдаем и в случае с Сеней. Забрав мальчика у родителей, княгиня не беспокоилась об истинном воспитании ребенка. Сеня был для неё очередным развлечением светской дамы, способом заставить общество восхищаться её «благодетельностью». Она сразу же забыла о нём, как только получила в подарок зеленого попугая. Эпиграф из «Евгения Онегина» к этой главе повести также выполняет прогнозирующую функцию. Ведь ещё до знакомства с её текстом становится ясно, что в ней будет затронута проблема воспитания главного героя. Спустя некоторое время, навестив Сеню в пансионе, княгиня была расстроена бледным видом мальчика и просила содержателя не изнурять ребенка. «*Чудесный человек Ютржбицкий! Он постиг чувствительность княгини и переменял совершенно с Сеней метод воспитания. <...> Ютржбицкий образовывал физического Сеню и образовывал со знанием дела. А нравственный Сеня? Ну, да какое до этого дело! Княгиня платила хорошо...*» [3, с. 146]. Данный отрывок текста ассоциируется с эпиграфом к третьей главе повести – знаменитыми строками из пушкинского романа в стихах. Сеня вырос эгоистом, не способным обращать внимание на чувства других людей. Он мог с легкостью обидеть человека, оскорбить его, причинить ему горе. Более того, Сеня «*сделался дерзок, горд, груб с окружающими его, даже с самою княгиней...*» [3, с. 147]. Модель воспитания, представленная в повести, – это модель развращения личности.

К восьмой главе повести Гребёнки не случайно предпосланы стихи из поэмы Пушкина «Граф Нулин»:

Вот ближе, ближе. Сердце бьётся;
Но мимо, мимо звук несется,
Слабей... И смолкнул за горой [3, с. 171].

В этой главе повествуется о приезде Сени домой к своим родителям. Они ожидали сына очень давно. Ведь Сеня обещал приехать в каждом своем письме, и в каждом новом письме он придумывал «важную причину», из-за которой поездка срывалась или откладывалась. Чтобы раскрыть функцию упомянутого эпитафия из «Графа Нулина» в повести Гребёнки, напомним, в каком контексте звучат вышеупомянутые строки:

Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот, верно, знает сам,
Как сильно колокольчик дальний
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой?..
Уж не она ли?.. Боже мой!
Вот ближе, ближе... сердце бьётся.
Но мимо, мимо звук несется,
Слабей... и смолкнул за горой [7, с. 162].

Последние строки данного отрывка, взятые в качестве эпитафия, помогают передать эмоциональное состояние родителей Сени. *«Зазвенел колокольчик. Старик Иван Яковлевич закричал – «это он» – и сбежал с крыльца; соседи улыбались, Аграфена Львовна была уже за воротами. Но – увы! Это был становой пристав...»* [3, с. 173]. Родители ждут сына с большим нетерпением, и звук колокольчика воспринимается ими как сигнал о приезде их единственного оставшегося в живых ребенка. И вот Сеня наконец-то попадает в родной Горохов и не узнаёт своих родителей. Более того, петербургская жизнь настолько изменила героя, что даже его родители не узнают его.

Девятой главе предпосланы строки из пятой главы «Евгения Онегина»: *«Соседи съехались в возках, В кибитках, бричках и санях»* [3, с. 178]. Этот эпитаф напоминает о содержании главы, об основных эпизодах сюжетного развития. Ведь родители Сени пригласили на обед множество гостей, чтобы разделить с ними радость по поводу приезда долгожданного сына: *«... весь Синевод явился к доброму соседу разделить его радость вместе с колбасами и посмотреть на приезжего. Здесь были все возрасты, от желтоватых сединок до грудного ребенка; глаза всех цветов, от серо-голубеньких до самых чёрных, на которые нельзя смотреть без смущения; были талии, похожие на арбуз и на осу; были лица отвратительные и были возбуждавшие страстную охоту расцеловать их»* [3, с. 180].

Двенадцатая глава повести Гребёнки под названием «С разлукой» открывается эпитафом из стихотворения Пушкина «Разлука»: *«Прости! Хранимый небом, не разлучайся, друг, С свободою и Фебом»* [3, с. 198]. Этот эпитаф предупреждает о разлуке Сени с его родителями и родным городом. Главный герой вынужден наспех бежать из Горохова. Из-за его вранья-хвастовства его заподозрили в разбойничестве. Даже родители не верят оправданиям Сени. Но любя его, они помогают ему бежать, хотя и знают, что больше никогда не увидят сына: *«Долго смотрели старики на пустую улицу и тихо, безмолвно обнялись»* [3, с. 200]. Трагедия Сени состоит в том, что он и не подозревает, как он жалок. Он не понимает, что потерял самое дорогое, что у него было в жизни.

Итак, можно сделать вывод, что пушкинские эпиграфы, впрочем, как и другие эпиграфы к отдельным главам повести «Сеня», углубляют смысловое пространство произведения, корректируют, направляют читательское восприятие в нужное русло. Основная функция пушкинских эпиграфов – прогнозирующая. Они подготавливают читателя к восприятию отдельных эпизодов сюжета, к характеристике действующих лиц, указывают на основную тему или проблему главы. Подбор эпиграфа требует высокого писательского мастерства. Ведь очень важно, чтобы эпиграф и текст произведения составляли единое гармоническое целое. Повесть «Сеня» свидетельствует о том, что Гребёнка был мастером в подборе эпиграфов. Цитирование пушкинских текстов помогает ему четче выразить свой собственный замысел.

Таким образом, в произведениях Е. П. Гребёнки цитирование является одним из способов проявления интертекстуальности. Используя пушкинские строки в своих текстах, Гребёнка как бы вступает в «диалог» с известным поэтом. Пушкин и его поэзия предстают переосмысленными в сознании героя («Записки студента») или самого автора («Сеня»). Цитаты и эпиграфы в повестях Гребёнки образуют систему многоголосия. Они связывают «свой» (авторский) и «чужой» (пушкинский) тексты в единое смысловое гармоническое целое.

Библиографические ссылки

1. **Брайко О.** Дискурс естетичного світобачення у прозі Євгена Гребінки та проблеми символічної автобіографії / О. Брайко // Січ. – 2004. – № 10. – С. 57–70.
2. **Гребінка Є.** Твори : В 3 т. / Є. Г. Гребінка – Т. 1. – К., 1980.
3. **Гребінка Є.** Твори : В 3 т. / Є. Г. Гребінка – Т. 2. – К., 1980.
4. **Зубков С. Д.** Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. Г. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей / С. Д. Зубков – К., 1979.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М., 2001.
6. **Мирошникова Н.** «Пока только придумал эпиграф...» (Поэтика эпиграфов) / Н. Мирошникова // Рус. яз. и литература в учебных заведениях. – 2004. – № 1. – С. 13–19.
7. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений: В 10 т. / А. С. Пушкин – Т. 3. – М., 1975.
8. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений: В 10 т. / А. С. Пушкин – Т. 4. – М., 1975.
9. **Фоменко И. В.** Цитата / И. В. Фоменко // Введение в литературоведение: Литературное произведение: Основные понятия и термины. – М., 1999.

Надійшла до редколегії 12.05.10